

А.В. Егоров

Правовая интеграция (теоретические основы определения)

Социальная интеграция в любых ее видах и формах является важнейшей стороной процесса общественного развития. В ходе интеграции общественная практика приобретает новое качественное состояние, определяемое появлением новых звеньев в общественном механизме (союзов государств, межнациональных парламентов, блоков политических партий и т.д.), а также повышением организованности и целостности существующей общественной системы или общественного образования – укреплением взаимосвязей национально-государственных механизмов, аккультурацией парламентских структур, консолидацией политических партий и т.д. Как отмечают французские исследователи П.Ф. Гонидек и Р. Шарвэн, «интеграция – это одновременно процесс и состояние, имеющее тенденцию заменить раздробленные международные отношения, состоящие из независимых единиц, новыми более или менее широкими объединениями» [1].

Социальная интеграция предполагает создание новых и (или) обновление существующих структур и уровней управления, юридико-нормативное регулирование которых, прежде всего, осуществляет право. Поэтому правовая интеграция занимает одно из важнейших мест в инфраструктуре объединительных процессов.

Но, будучи нормативным инструментом регулирования общественных отношений, право лишь обеспечивает экономические, политические, социально-культурные и иного вида интеграционные процессы. В частности, оно может способствовать развитию, усовершенствованию определенных интеграционных объединений, или упреждать негативные проявления сближения общественных образований – нелегальную миграцию, транснациональную преступность и т.д. Но право само по себе не порождает ни экономической, ни политической, ни какой-либо другой интеграции. Интеграция – это самостоятельный объективный процесс взаимопроникновения элементов сферы человеческого бытия, где право является одним из формально-структурных образований, обеспечивающих интегрирование.

Теория и практика международной интеграции предлагает три основные модели социального интегрирования: «функционализм»; «федерализм»; «транснационализм» («плюралистическая модель»). Представители каждой из данных концепций по-своему определяют механизмы, пути, темпы, этапы, а также возможные результаты и способы международного сближения при одинаковом подходе к оценке целей интеграции.

Функционалисты (Д. Митрани, Э. Хасс, Л. Линдберг, С.С. Джорж, Я. Тинберген и др.) объединение политических институтов государственной власти рассматривают как следствие сближения отдельных лиц, социальных групп и государств по экономическим интересам. Причем, по их мнению, в ходе эконо-

номической интеграции произойдет естественный эволюционный переход от государственной власти к межрегиональной, и затем к всемирной. В результате должна появиться некая «всемирная социально-психологическая общность» при постепенном отмирании суверенитетов государств [2].

Представители «федералистской» теории (Ж. Моне, Р. Шуман, А. Этциони, А. Спинелли, К. Фридрих и др.), напротив, выступают не за экономическую интеграцию, а за интеграцию посредством сближения политических институтов государств при договорном отказе от централизма и при распределении полномочий между центром и субъектами федерации [3].

Суть «транснационализма» (К. Дойч, Д. Пучала и др.) заключается в предложении воспринять «объединительную идею» в принципе и не предъявлять при этом к субъектам интеграции жестких требований по поводу того, как себя вести при той или иной форме сближения. Главное, как отмечает К. Дойч, чтобы основные интересы государств как политические, так и социокультурные, не противоречили друг другу, а наиболее общие интересы были бы предсказуемы и прогнозируемы [4].

Таким образом, теории интегрирования предлагают разные способы интеграции. Но, при этом ни одна из данных теорий не отрицает того, что целью международной интеграции является развитие основных общественных ценностей, достижение экономического процветания и обеспечение безопасности, поскольку отдельно взятое государство в современных условиях объективно не способно качественно обеспечить названные приоритеты.

Представляется, что при правовом обеспечении каждой из предлагаемых моделей право как интегративный инструмент будет выполнять заметную роль в инфраструктуре объединительных процессов. Но, как справедливо замечает Е.А. Достанко, процессы международной интеграции найдут свое результативное обоснование «только на основе комплексного познания и применения каждой из названных моделей» [5]. Следовательно, и роль правовой интеграции необходимо определять, исходя не из абсолютного восприятия или отрицания той или иной теории интеграции в целом, а из оценки достоинств и недостатков каждой из них.

При обеспечении «функционалистских» способов международного сближения так называемые общие нормативные регуляторы могут стать носящими лишь экономический характер, а роль других отраслевых норм будет больше заметна на внутригосударственном уровне. Развитие так называемого «общего экономического права» в конечном итоге станет лишено реальных перспектив по причине расхождения в первую очередь национальных конституционных законодательств. С другой стороны, общие нормы экономического характера представляют собой результат объективной практики взаимодействия определенных субъектов правоотношений в имущественной сфере, которая наиболее адекватно отражает природу человеческих потребностей, реализуемых как через межличностные связи, так и посредством создаваемых субъектами организаций соответствующего плана – обществ, товариществ, корпораций и т.д. Поэтому правовая интеграция может более полно реализовать свой социально-нормативный потенциал при обеспечении экономической интеграции, где воля субъектов сближения формируется исходя из объективной природы удовлетворения определенных экономических потребностей, а не из субъективизма политических желаний к интеграции или дезинтеграции.

При правовой реализации «федералистской» модели интеграции достигается интеграция большего масштаба, нежели при обеспечении функционалистских способов интеграции, а, следовательно, и в большей степени реализуются общие цели интегрирования. При сближении политических институтов различных государств происходит выравнивание, прежде всего, конституци-

онных законодательств, которые являются основными, базовыми отраслями для формирования всех других отраслей национального законодательства. Таким образом, сближение конституционных норм позволяет создать общую конституционную модель, на которую смогут ориентироваться частноотраслевые и иные внутригосударственные нормы. Основным препятствием для реализации федералистского способа интегрирования является нередкое отсутствие политической воли субъектов интегрирования к созданию общей системы политико-правовых институтов, что определяется субъективистскими началами федералистской интеграции.

Несмотря на это, идеи федерализма получили реальное нормативное выражение в практике международного сотрудничества. Так, в 1984 году Европарламентом был принят разработанный одним из основных идеологов федерализма А. Спинелли проект договора о Европейском союзе. В феврале 1985 года принимается Единый Европейский акт, который закрепляет в качестве цели Евросоюза создание в конце 1992 года единого рынка. 1 ноября 1993 года вступают в силу Маастрихтские соглашения, определившие создание в 2000 году валютно-экономического и военно-политического союзов двенадцати европейских государств. И, наконец, 1 февраля 1994 года принято решение о вступлении в силу Шенгенских соглашений, определивших свободное перемещение внутри союза не только товаров, но и людей. Таким образом, востребованность нормативных результатов оказалась большей при реализации федералистской, а не функционалистской концепции международного сближения.

Положительной стороной реализации «плюралистических» (транснациональных) способов международного сближения является практика выбора субъектами интеграции тех объектов сближения, которые, по мнению субъектов, должны подлежать интегрированию в данный момент. При восприятии всеми субъектами «объединительной идеи» сближение соответствующих областей человеческого общежития будет проходить безболезненно и для национальных суверенитетов, и для национальных законодательств. Отдавая приоритет «выбору народов» транснациональные способы сближения обеспечивают, таким образом, логичное интегрирование с точки зрения всемирно-исторического процесса развития. Но, плюрализм в интеграции интересов порождает плюрализм и, таким образом, неопределенность в интеграции сфер правовых отношений. Неопределенность социального объекта интегрирования вызывает и отсутствие четко обозначенного правового объекта как по предмету регулирования (вид общественных отношений), так и по сфере интегрируемого объекта (что подлежит интеграции – правовой институт или нечто большее?). Поэтому можно сказать, что плюралистическая модель социальной интеграции также не является идеальной, хотя и не лишена некоторых положительных качеств.

Во всех трех рассмотренных вариантах интегрирования обслуживающая роль правовой интеграции в международном сближении стран и народов является ведущей. Правда, в одном случае, с нашей точки зрения, эта роль более эффективна, как при реализации федералистских способов, в другом – менее значимой (при реализации функционалистских концепции), а в третьем (при обслуживании плюралистической модели) и вовсе является сомнительной с точки зрения своего конкретного результата. Но в любом варианте обслуживающая функция правовой интеграции свидетельствует о том, что она не возникает сама по себе, и тем более непосредственно не порождает другие виды интеграции. Она может лишь ускорять интеграционные процессы, облагораживать их, создавая «единый правовой порядок», установление или достижение которого является основой для дальнейшей правовой интеграции политико-правовых компонентов различных государств. Таким образом, правовая интеграция может рассматриваться не только как процесс, но и как ре-

зультат указанного сближения. Поэтому понятие рассматриваемого нами предмета должно отражать динамические и статические элементы сближения субъектов интеграции.

В юридической науке не существует единого определения правовой интеграции. Русскоязычные юридические энциклопедии и словари не содержат понятия правовой интеграции. В частности, юридическая энциклопедия 1997 года дает понятие интеграции, определяя ее как «процесс взаимного приспособления, расширения экономического и производственного сотрудничества, объединения национальных хозяйств двух и более государств», то есть в качестве формы интернационализации хозяйственной жизни [6]. В более ранних юридических изданиях энциклопедического плана не определяется даже и это экономически детерминированное понятие. Кроме того, отсутствуют и монографические работы, посвященные проблемам теории правовой интеграции.

Причинами такой ситуации, на наш взгляд, являются следующие обстоятельства: во-первых, советская юридическая наука, долгое время обслуживавшая идеологические потребности государства, сам термин «правовая интеграция» относила к разряду буржуазных и лженаучных, спекулируя на крайних выводах ряда зарубежных ученых относительно идеи «всемирного права». В частности, заострялось внимание на том, что сторонники интеграции посредством права посягают на суверенитет государств, стремящихся путем интеграции уменьшить влияние демократических элементов, предлагая передоверить создание норм сообщества негласным представителям монополистических кругов и буржуазных политических организаций. Советские исследователи в области интеграционной теории охватывали главным образом политические и экономические аспекты интеграции, что привело к политическому и экономическому детерминизму даже в определении понятия интеграции.

Во-вторых, реализация интеграционных идей экономического, политического, культурного и иного плана в настоящее время заставляет наших ученых концентрировать свое внимание больше не на теоретических, а на чисто практических вопросах и условиях интеграции, таких, как унификация конкретных отраслей законодательств, создание единообразных законов, заключение договоров о правовой помощи и т.д. В результате вне поля зрения отечественных правоведов остаются как сама концепция правового интегрирования, так и понятие этого явления.

Вместе с тем в мировой юридической науке и практике сложился целый ряд подходов к определению социальной интеграции, что и дает основание сделать некоторые выводы относительно понятия правовой интеграции.

Представляется, что данное понятие должно базироваться на следующих исходных положениях:

- правовая интеграция – это объективное проявление социально-психологической потребности сообществ к сближению;
- правовая интеграция выражается в гармонизации национальных правовых интересов различными способами и методами, но не представляет собой процесс или результат полной идентификации данных «правопорядков»;
- правовая интеграция включает в себя: а) правовую сферу и нормативный объем интеграции; б) субъектов интеграции; в) юридический инструментарий интегрирования.

Кроме указанных посылок, не стоит забывать и о вспомогательной, для всех иных проявлений интегрирования, роли правовой интеграции, чтобы не абсолютизировать данный элемент инфраструктуры общественного интеграционного процесса и не превращать его, таким образом, в неработающее «культовое» звено сближения стран и народов.

В основе первого положения, относительно социально-психологической потребности сообществ к сближению, лежат, во-первых, взгляды функционалистов, в особенности Э. Хасса, относительно того, что в основе интеграции находятся совпадающие, не знающие государственных границ интересы социальных групп и даже отдельных лиц, что ведет к образованию «всемирной социально-психологической общности», и, во-вторых, сложившиеся среди сторонников теории интеграции посредством права и концептуально определенные Х. Мули взгляды относительно *jus commune*, суть которого состоит в утверждении в общественном сознании интеграционной идеи.

Указанная теоретическая предпосылка позволяет сделать несколько выводов относительно социально-психологической потребности сообществ к сближению национальных правовых порядков. Как отдельные индивиды, так и социальные группы, и даже целые сообщества обращают внимание на условия жизни своих соседей, находящихся в рамках иного правового поля. По мнению данных «наблюдателей» это поле, устанавливая иные, по сравнению с их правилами, стандарты, делает и саму социально-экономическую сферу жизни здесь лучше, а, следовательно, и правильнее. Появляется соблазн к правовому подражанию, исходя из принципа: «их социально-экономические условия существования лучше, поскольку регулируются лучшими по сравнению с нашими нормативными правилами».

Такую форму осознания социально-психологической потребности сообществ к правовому сближению можно условно назвать *примитивной*, поскольку она не учитывает действительных причин развития экономических и социальных условий существования общества, игнорируя первичность материальных условий его существования. К тому же, данная форма осознания не учитывает того, что в ряде зарубежных правовых систем могут складываться особые группы социальных отношений и явлений, требующих традиционных только для данных правовых систем методов правового регулирования. Примером этому могут служить отношения монарха и представительных органов власти во многих монархических странах, статус религиозного судьи в ряде мусульманских и индусских правовых систем и т.д.

Вместе с тем, носители примитивной формы осознания интегрирования очень хорошо реагируют на однотипные социальные явления, присущие если не всем, то многим организованным сообществам. В таком случае вопрос о множестве различий в регулировании тех или иных социальных отношений является вполне оправданным, и нередко его разрешение в пользу монотипизации регулирования приносит положительный результат для достижения цели правовой интеграции. В частности, как отмечает А.А. Рубанов: «Природные сферы объективны для всех национальных правовых систем. Соответственно в их правовых нормах отражается существование земной тверди, атмосферы и водных пространств» [7].

Болгарский автор Нено Неновски указывает на целый арсенал правовых элементов, сходных или идентичных для всех типов правовых систем, начиная от сходных отраслей и институтов и заканчивая сходным логическим аппаратом языка права (имеется в виду язык права в его юридической, а не лингвистической интерпретации) [8].

Помимо примитивной оценки потребности в правовом сближении существуют и более высокие формы осознания правового интегрирования – *примитивно организованная и высоко организованная*. В первом случае речь идет об осознании сообществом идеи подчинения общим правилам. Вопрос здесь стоит уже не о правовом подражании, а о выработке общих стандартов поведения и правовых моделей, образующих, по мнению Ж. Булуи правовую систему, не входящую в рамки международного права и выходящую за пределы

национальных правовых систем [9]. Такого же, в принципе, определения данной правовой системы придерживается и Ф. Джессеп [10]. Как правило, результатом практической реализации рассматриваемой формы осознания потребности в правовом сближении является наднациональное право, то ли в виде права конкретного сообщества, то ли в виде общерегионального права. Прimitивный оттенок рассматриваемой формы состоит в том, что субъекты интегрирования, определяя потребность функционирования по единым правилам, осуществляя конкретный выбор этих правил или сфер однотипного регулирования, как правило, недостаточно глубоко анализируют как необходимость самого функционирования по определенным правилам, так и выбор самих конкретных правовых сфер монотипизации.

Напротив, высоко организованная форма осознания правового интегрирования дает возможность на объективной основе осуществить как заимствование иностранных правовых объектов, так и создание наднациональных правовых образований. Данная форма реализуется на уровне «экспертных структур», существующих то ли в виде международных организаций, конференций и т.п., то ли в виде исследовательских учреждений или групп экспертов, которые и занимаются научным обоснованием правового интегрирования, исходя из условий места и времени его осуществления. Суть же самой рассматриваемой формы заключается в достижении определенным сообществом такого уровня правовой культуры, который определяет осознанное порождение самостоятельных организационных структур, деятельность которых направлена на научное исследование объективности интеграции. При этом изначально исключаются элементы интегрирования, ставящие целью правовое превосходство в любых его «иррациональных формах» – религиозной экзальтации, политической колонизации и т.д. Так, примером высокоорганизованной формы осознания правового интегрирования является вхождение в правовое пространство Европейского Союза правовых систем Австрии, Швеции, Норвегии и Финляндии. Эти страны стали членами Союза лишь в январе 1995 года после продолжительной экспертной работы национальных субъектов законотворческой деятельности.

При определении интеграции в качестве сложившейся системы философские словари и справочники нередко указывают как на положительный момент интеграционной системы на повышение уровня ее целостности и организованности [11], признавая, таким образом, потенциальную возможность системы полностью идентифицироваться и внутренне стагнироваться, что в свое время, в частности, произошло с советской правовой системой. Поэтому указанный подход к определению характера интеграции существующей системы представляется не совсем прагматичным с точки зрения правовой интеграции, поскольку ее основной динамизм заключается в постоянном процессе гармонизации правовых элементов при рациональном использовании унификационных механизмов. Это позволяет избежать интегративные процессы от стагнации в форме образования унитарной правовой системы, последующее правовое реформирование которой будет проходить очень болезненно.

В основе гармонизации правовых систем находится создание однородных правовых институтов, присущих разным национальным системам при сохранении индивидуального характера каждой национальной правовой системой. Именно через возрастание числа таких однородных институтов и достигается рациональное сближение правовых систем без излишней унификабельности правовых элементов. Основанием такого сближения является то, что интеграция происходит не на уровне конкретных частных норм или целых отраслей права, а на оптимальном уровне сближения – на уровне правовых институтов, которые затем, привившись в новой правовой среде, постепенно ме-

няют характер как национальных законодательств в частности, так и правовой системы в целом. Правовой институт представляется самым удобным средством сближения правовых систем.

Метод гармонизации права является официальным методом европейских сообществ и получает свое распространение в других регионах, в частности в Латинской Америке, где проблемы интегрирования, так же как и в Европе, становятся актуальными. Активное применение метода гармонизации происходит при сближении законодательств Андской группировки АСЕАН, Североамериканской зоны свободной торговли и т.д.

Процесс правовой гармонизации основывается на трех основных унифицирующих режимах, которые французский исследователь М. Ансель называет способами унификации [12].

Первый вид режима определяется как конвенционный. Его так же можно назвать международно-правовым, поскольку основной смысл реализации данного режима состоит в том, что вырабатывается совместная международная конвенция, которая содержит, по сути, единообразный закон, подлежащий инкорпорированию в законодательства подписавших ее государств. Процесс инкорпорирования может осложняться лишь тем, что не все государства (участники конвенции) ратифицируют или утверждают подписанную конвенцию.

Второй вид режима унификации – совместная разработка участниками правовой интеграции норм, которые государства на добровольной основе обязуются внести в свои законодательные системы. Этот вид режима можно назвать наиболее действенным, т.к. субъекты интегрирования заранее оговаривают принципиальные позиции и затем реализуют свой интерес уже в плане выработки форм и в отношении осуществления технологии инкорпорирования самих правил. В частности, подобная практика сложилась на уровне законодательного сближения правовых систем России и Беларуси. Государства-члены Союза осуществляют унификацию законодательства о налогообложении доходов граждан и пенсионного законодательства, проводят разработку единых правовых подходов к определению мер социальной защиты граждан в области образования, здравоохранения, жилищно-коммунального обслуживания, принимают нормы, определяющие равные социальные права граждан обоих государств и т.д.

Третья разновидность унификационного режима состоит в подготовке и предложении национальным законодателям закона-модели или типового закона, который, как правило, базируется на познанной объективной необходимости принятия таких норм во внутренней системе. Поэтому в отличие от первых двух режимов, данная разновидность направлена на введение в действие принципиальных, наиболее общих положений, имеющих судьбоносное значение для стран и народов. Практика модельных законов имеет давнюю историю и является наиболее развитой в федерациях, в межгосударственных и иных региональных объединениях. Примерами служат модельный общегерманский Торговый кодекс (1858-1859 г.), Примерный уголовный кодекс США (1962 год), Базовый мировой налоговый кодекс (1992 год) и другие документы, большая часть положений которых реально реализована в практике национальных законодательств. Стоит отметить, что и СНГ в лице своей Межпарламентской Ассамблеи также активно ведет работу по подготовке и внедрению модельных законодательных актов в виде общих принципов, основных начал, примерных законов, модельных кодексов и основных положений.

Приведение того или иного унификационного механизма в действие зависит от целого ряда обстоятельств, возникающих при гармонизации или осуществлении процесса интегрирования вообще. Главное, чтобы при любом варианте выдерживалось общее правило оптимальности сближения правовых порядков субъектов интеграции, и ход формирования наднациональных пра-

вовых структур или сближение национальных правовых элементов отвечал разумному сочетанию уважения национальных суверенитетов и признания необходимым всеобщего правового порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gonidec P. - F., Charvln R.* Relations internationales. Paris, 1984. P. 435.
2. *Mitrany D.* A working Peace System. London: Royal Institute of International Affairs, 1943. P. 10-15; Marks Gari, oth. Governance in the European Union. Sage Publications, 1996. P. 5-7.
3. *Euro-Polltics: Institutions and Pollsyzmaking in the European Community* / Ed. *A.M. Sbraglia* - the Brookings Institutions, 1992. P. 110-112; Barnes I., Barnes P.M. The Enlargerd European Union. Longman, 1995. P. 4-5.
4. *Deutsch K.W.* The Impact of Communications upon International Relations Theory / Said A. Theory of International Relations: The Crisis of Relevance. Prentice-Hall, 1968. P. 143-145.
5. *Достанко Е.А.* Современные концепции интеграции // Европейский Союз: история, политика, экономика, право: Тез. докл. науч. конф. Минск, 17-18 декабря 1997 г. / Европейский Союз: история, политика, экономика, право: Сб. Мн., 1998. С. 109.
6. *Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю.* Юридическая энциклопедия / Под ред. *М.Ю. Тихомирова*. М., 1997. С. 185.
7. *Рубанов А.А.* Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М., 1984. С. 13.
8. *Неновски Н.* Преемственность в праве. М., 1975. С. 20.
9. *Boulouis J.* Droit institutionnel des Communautés européennes. P., 1984. P. 24.
10. *Carreau D.* Droit international. 4e éd. P., 1994. P. 33.
11. *Философский энциклопедический словарь* / Гл. редакция *Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов*. М., 1983. С. 210.
12. *Ансель М.* Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права: Сб. ст. / Составление, перевод и вступ. ст. В.А. Туманова. М., 1981. С. 193-199.

S U M M A R Y

In the proposed article the approaches to the determination of the legal integration are elaborated. The forms of the integration law model perceptions by the society are analyzed. The method to harmonize the law systems whereby the converging of the national law institutions is defined.

Поступила в редакцию 3.01.2002

УДК 343.24 (476)

Г.Н. Серeda

Ресоциализация осужденного при отсрочке исполнения наказания

При осуждении с отсрочкой исполнения назначенного наказания цели уголовной ответственности достигаются посредством комплексной системы мер воздействия. Причем особое значение придается правоограничениям и обязанностям профилактического и испытательного характера, которые возлагаются судом на осужденного в целях его ресоциализации.